

Ветряная оспа. Людмила Евгеньевна Улицкая [ulitskaya1udmila.ru](http://ulitskaya1udmila.ru)  
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке  
<http://ulitskaya1udmila.ru/> приятного чтения!

Ветряная оспа. Людмила Евгеньевна Улицкая

На добротный и широкоплечий американский сундук с металлическими скобами и ручками в торцах девочки побросали потертые на задах ледяными горками шубы, скукоженные варежки, скрученные шарфы и мокрые рейтузы. Одежда их так вымокла и заледенела за тот час, который шли они от школы к Алениному переулку: через два проходных двора, мимо барачного городка с нежным российским именем Котяшкина деревня и страшной полуразрушенной церкви.

Дорогой они немного поиграли, немного поссорились, гордая Пирожкова обиделась и ушла, толстая Плишкина побежала ее возвращать и тоже исчезла. Их подождали минут пять в Аленином дворе, но, так и не дождавшись, вошли в подъезд.

Дом был во всем районе лучшим, архитектурным, с башенками на углах крыши и с лифтом. Впятером девочки набились в лифт, потопали, попрыгали, и он отозвался чугунным вздрогом.

Бедная Колыванова, жительница Котяшкиной деревни, окоченела от страха: в лифт она попала первый раз в жизни. Гайка Оганесян, обещавшая стать со временем восточной красавицей, нажала на белую выпуклую кнопку "6", а ее сестра-близнец Вика, красавицей стать вовсе не обещавшая, ровно через мгновение нажала на кнопку "стоп", и лифт, грузно поднявшись на полметра, остановился. Глаза у Колывановой выпучились и стали похожи на эмалированные кнопки с черными цифрами в середине.

Гайка весело взвизгнула. Лиля Жижморская, по прозвищу Жиж, потянулась к кнопкам, но Вика ее оттолкнула. Чельшева Мария расстегнула портфель – она сегодня была дежурной и потому не успела зайти домой, – вытащила из портфеля чернильный карандаш и деловито помусолила его во рту. Пока возле кнопок шла ватно-тяжелая зимняя возня, она маленькими кривыми буквами выводила на деревянной раме зеркала ужасное слово из пяти букв, которое до конца своей жизни она ни разу не произнесла вслух. Слово это представлялось ей противно-коричневым, с бездонным провалом посередине и похожим на вывернутую наизнанку клизму.

Колыванова, научившаяся произносить его непосредственно после слова "мама" и практически знакомая со многими другими словами, изумленно сморгнула.

Она, конечно, не знала, что приглашена была в гости исключительно благодаря припадку демократизма, случившемуся у Алениной матери при обсуждении списка Алениных гостей. Дипломатическая мама, совершенно для себя неожиданно, обнаружила, что теория равенства и братства, последовательно прививаемая ребенку чуть ли не от самого рождения, проросла непредусмотренными плодами: Алена исключительно тонко оценила имущественное равенство нескольких наиболее обеспеченных девочек из класса и именно их избрала для братского и равноправного общения.

В результате Алена получила незамедлительное внушение, и в число приглашенных по родительскому настоянию была включена бедная Колыванова.

Пока девочки возились в лифте, толкались и прыгали, Алена, уткнувшись носом в подушку, тихо лежала в алькове, на широченной родительской кровати, отделенной от мира плотно задвинутой шторой.

Русская девочка Алена Пшеничникова была отчасти американкой: она родилась в стерильной клинике в Вашингтоне, где во время войны исправлял дипломатическую службу ее отец. Хорошая сибирская порода отца, качественное детское питание и гигиенически правильное воспитание, без российского расслабляющего кутанья и баловства, сделали из Алены идеального ребенка: с густыми блестящими волосами, крепкими белыми зубами и чистой розоватой кожей. Россыпь веснушек поперек курносого носа и неизвестно почему по-американски выпирающие зубы, не подправленные еще корректирующей пластинкой, были последними и окончательными штрихами этой американизации. Но об этом мало кто догадывался, разве что отцовские сослуживцы, имевшие опыт заокеанской жизни.

Ветряная оспа. Людмила Евгеньевна Улицкая [litskaya.ludmila.ru](http://litskaya.ludmila.ru)  
Веселая и здоровая девочка Алена плакала, отчаявшись дождаться своих вероломных гостей. Елка была густо увешана несказанной красоты игрушками, был накрыт стол на восемь персон, под каждой тарелкой лежала бумажная салфетка с Микки Маусом, еще неизвестным в здешних широтах зверем, а на тарелках лежали подарки, завернутые в бумажки большой красоты.

Но часы уже показывали начало шестого, гости приглашены были на четыре, и Алене ясней ясного было, что никакого праздника не состоится, – и потому грохот лифтовой двери, галдеж на лестничной площадке и неугасающая трель звонка показались ей голосом счастья. Она вскочила с кровати, подтянула съехавшие белые носки-гольф с кисточками, расправила бордовое бархатное платье, купленное когда-то матерью впрок с многолетним запасом, а теперь уже тесное, и побежала открывать.

Все девочки, кроме Колывановой, уже бывали в этом волшебном замке отдельной двухкомнатной квартиры, в которой одна комната была таинственно и неизменно заперта, что придавало этому жилью еще больше привлекательности. Можно было только гадать, что же хранится в той, запертой, если жилая была переполнена нездешними драгоценностями: морскими ракушками, игрушками из перьев и цветного стекла – бесхитростный выбор железнодорожного рабочего, вынесенного социальным ветром в дипломатическую службу.

Девочки, озираясь, топтались возле стола. Сестры Оганесян еще возились в прихожей возле сундука, потому что из четырех туфель, уложенных бабушкой в хозяйственную сумку, осталось почему-то только три. Гайка ожесточенно трясла пустую сумку в надежде вытряхнуть недостающий предмет, а Вика торопливо застегивала пряжки, чтобы таким образом право на потерявшуюся туфельку полностью оставалось за сестрой.

Так и вошли они в комнату в трех туфлях на двоих, и девочки покатались со смеху.

– Там, в бумажках, всем подарки. Где кто сядет, то и берет, – объявила Алена.

По размеру сверточек были не больше спичечного коробка, все почти одинаковые, но обертки разноцветные, красные, золотые, и перевязаны были подарки цветными шнурками, тоже необыкновенными – пестрыми и шелковисто-жесткими. Внутри тоже оказалась не чепуха: пластмассовые брошки, все разные, только Гайке с Викой достались одинаковые – гном в красном колпачке с корзиной за спиной. Еще была Красная Шапочка, принцесса, корзинка с цветами и лебедь в короне. Колыванова получила самое лучшее белого ангелка с золотыми крыльями. А два подарка остались нераскрытыми, пирожковский и плишкинский. Все хотели их раскрыть, но Алена не разрешила.

Девочки проткнули себя длинными булавками, к которым были припаяны эти чудеса, и окончательно сели за стол. Угощение было почти совсем обыкновенным: бутерброды, пирожные, ваза с домашним печеньем. Но вилочки, двузубые пластмассовые вилочки торчали из желтых сырных и розовых колбасных спинок бутербродов, и это было невиданно шикарно. И лимонадом грушевым весь подоконник был заставлен.

– Ален, а вилочку можно взять? – поинтересовалась Вика.

Всем про это хотелось спросить, но остальные не решились.

– Не знаю, – растерялась Алена, – это надо у мамы спросить.

– Я только одну, красненькую, – попросила Вика.

– Ты бессовестная, ужас просто, – шепнула Гайка на ухо сестре.

– А ты молчи, Золушка, – фыркнула Вика, и опять все засмеялись. Гайка покраснела. Вика была язва, бабушка ее так и называла.

Голодной была только Чельшева. У нее на тарелке лежало множество вилочек, а она все тягала и тягала. Колыванова голодной не была, но ей тоже хотелось, чтобы разноцветные вилочки лежали у нее на тарелке. Да она стеснялась брать. Стеснялась она также своего большого роста, больших материнских ботинок, чулок с заплатами и, главное, красной сестриной юбки, которую сама же долго выпрашивала. Так и лежала у нее на тарелке только обертка от подарка. Ангелка же она

Ветряная оспа. Людмила Евгеньевна Улицкая [ulitskaya@ludmila.ru](mailto:ulitskaya@ludmila.ru) приколола к ковбойке и придерживала на всякий случай, чтоб не потерялся.

- Она сейчас вилочку проглотит! - закричала Вика, указывая на Чельшеву, обкусывающую по краю бутерброд. Голову Мария наклонила так низко, что русые косички с распустившимися лентами лежали в тарелке.

Вика схватила вилочки с ее тарелки и засунула все черенки в рот, так что наружу торчали разноцветные зубья.

- Как ты себя ведешь, бессовестная, - громко зашептала Гайка.

- А тебе какое дело, мне так родина велела! - шепеляво ответила Вика, и опять все покатались со смеху.

Не смеялась только Лиля Жижморская. У нее между форменным платьем и фартуком лежал сюрприз, и она терпеливо ждала подходящей минуты. Ей казалось, что минута эта не настала еще, и она нащупывала пальцами пачечку, но в это время Вика вылезла из-за стола и вытащила из алькова, с многоспальной кровати, большого нежного мишку - узкоплечего, с толстым задом и волнисто-плюшевым телом.

- Это Тедди, - назвала его Алена.

- Точь-в-точь дядя Федя, - немедленно отозвалась Вика.

И опять все засмеялись. Он действительно и грушевидностью фигуры, и загадочной целенаправленностью высунутой вперед морды смахивал на школьного дворника дядю Федю.

Вика посадила медведя к себе на колени и стала кормить его с вилочки...

Всем было по десять, только Колывановой уже исполнилось одиннадцать, и они по обязанности своего зрелого возраста вынужденно расставались со своими куклами. Новые, книжно-школьные обстоятельства превращали кукольную игру во что-то детское и постыдное, требующее укрытия. Хотя бы под ночным одеялом. Даже у серьезной Жижморской была такая подподушечная куколка, которую она по утрам прятала на книжную полку, за учебники. Одна только Вика, страстная душа, влюбленная в каждое свое ежеминутное желание, ничего не стеснялась. Она усадила медведя на колени, прижала к боку и сладким голосом начала его уговаривать:

- Еще ложечку, мишенька! За маму! За папу! - И, не выдерживая заранее известной роли, сбивая весь серьезный обряд кормления в потеху, добавила: За всех мишек в зоопарке!

Глаза у них с мишкой были совершенно одинаковые: коричневые, пуговично-блестящие, с нежной розовой обводкой.

Хозяйка же, не стерпев искушения, уже вытягивала из ящика раздвижного дивана целую труппу разнокалиберных фигуранток. Алена уже несколько месяцев к ним не заглядывала и испытала теперь мгновенную сладость встречи с Элис, Кити, Бетси, Джун - американскими красотками, уже чуть двинувшимися в том опасном направлении, где спустя несколько десятилетий их ждала полная и окончательная смерть в виде миллионной армии Барби, похожих между собой, как сторублевки.

Гайка вцепилась в длиннокудрую Бетси. Вика, безжалостно бросив медведя, ухватила себе чернокожую Джун, пламенный ротик которой был завлекательно - с точки зрения кормления - приоткрыт, и оттуда, из красной глубины, мерцали настоящие фарфоровые зубки.

На колени Колывановой великодушная Алена положила младенческую Кити в ползунках, с болтающейся впереди крошечной, но вполне настоящей пустышкой и с изумительными искусственными глазами пестро-голубого цвета.

Жижморская и Чельшева деликатно, но настойчиво тянули каждая в свою сторону длинноногую Элис, и та совсем по-человечьи мотала льняным хвостом, завязанным на маковке...

Алена отобрала у них Элис, свою всегдашнюю старшую дочку, и вынула из прямоугольной диванной темноты еще двух кукол - кудрявую барышню в пелерине и

Ветряная оспа. Людмила Евгеньевна Улицкая [litskaya.ludmila.ru](http://litskaya.ludmila.ru)  
куклу-мальчика в матроске и совсем настоящих кожаных ботиночках на пуговицах.  
Эти две куклы были старинными.

Все дружно вздохнули и выдохнули. Эта пара была так небесно прекрасна, что до них и дотронуться было страшно, не то что вступать в интимно-родственные отношения, необходимые для игры. Что и подтвердила немедленно Алена:

- Мама мне их никогда не давала. Говорит, это семейная лериквия, а не игрушка.

Алена иногда путала трудные слова.

Девочки склонились над лежащей на краю кровати парочкой и осторожно потрогали шелковистые волосы барышни, кожаные ботиночки мальчика. Глаза у них, лежащих, были закрыты, но не плотно. От длинных ресниц ложилась зубчатая тень на фруктово-ягодный румянец щек. Алена вела одноклассниц, как экскурсовод:

- Ресницы моя мама им подрезала, когда была маленькая. Маме было обидно, что они слишком уж длинные. В Самаре, где бабушка жила, у них был дом деревянный, и еще до революции дом сгорел, все-все сгорело, а на другой день пришла знакомая портниха и принесла этих кукол, потому что Счастливику пальтишко шила, а Княжне новое платье. Бабушка им тогда заказала новую одежду, потому что моя мама должна была родиться. И оказалось, что это было все, что после пожара осталось.

От этих слов девочки совсем уж притихли, и даже трогать кукол расхотелось. И посреди задумчивой тишины раздался вдруг звонок в дверь.

- Мама ваша, - в тихом ужасе прошептала Колыванова.

Алена пожала плечами:

- Нет, это не мама. Они сегодня поздно придут, у них вечер в министерстве.

Действительно, пришли Пирожкова с Плишкиной. Толстая Плишкина все-таки уговорила Пирожкову и сияла теперь ангелически-дебильной улыбкой, и пухлые щеки ее промялись глубокими ямочками и складочками.

Гордая Пирожкова, младший отпрыск знаменитой цирковой семьи, давно уже запущенная в семейную стезю акробатики, небрежно взяла Счастливику и сказала равнодушным голосом:

- У меня точно такой же есть.

"Врет", - подумали все.

- Врешь! - сказала Вика.

Только что они были готовы тронуться в стройно-вымышленную жизнь, где правка неудовлетворительной реальности игрой превращает эту реальность в справедливую и упоительно податливую и весь мир покорно ходит по кругу, куда его пошлют: то на охоту, то на базар, и послушные дети, кротко приняв условно-заслуженное наказание, смиренно подчиняются божественной воле мамы.

Но теперь играть почему-то расхотелось.

Это и была та минута, когда Жижка достала свой сюрприз и торжественно произнесла:

- Смотрите, что у меня есть!

Сначала показалось, что ничего особенного. Это был всего-навсего набор довольно старых открыток. Лиля разложила их на покрывале, и девочки встали на колени перед кроватью, чтобы их рассмотреть.

Там была сумрачная красота. Из лиловых и желтых одежд выглядывали длинноносые красавицы с почти сросшимися глазами под одной, с изгибом над переносицей, бровью. Замершие жесты их вывернутых рук и сложноподчиненных ног были гимнастическими и неестественными.

У той, что сидела с сазом, были золотые браслеты на лодыжках, туфельки как

Ветряная оспа. Людмила Евгеньевна Улицкая [litskaya.ludmila.ru](http://litskaya.ludmila.ru)  
золотые перчатки, и соски двух нестерпимо голых грудей тоже были золотыми.

Одна танцевала, другая любовалась своим отражением в круглом бронзовом зеркале; две обнимались, сплетя ошарованные ноги. Впрочем, возможно, одна из них была мужчиной, но это вообще значения не имело.

Некая в густо-желтом, с огромным зеленым камнем на лбу, держала в руках – о Господи! – книгу, тогда как второй изумруд выглядывал из пупка. Еще одна томно обнимала маленькую газель с девичьим лицом. Там были причудливые золотые клетки с вымышленными птицами, состоящими в родстве с орхидеями, преувеличенные гранаты на карликовых деревьях, драгоценные фонтаны с синей, вертикально замершей водой, кувшины, веера и шкатулки. И пухлый седобородый старец в синем звездном халате и в головном уборе, напоминающем громоздкий абажур. В середине его маленькой неправдоподобно отогнутой ладони стояла рослая змея, подогнув под себя конец сложенного крендельком толстого хвоста.

Все на этих наивных картинках взаимно любило и ласкало, всякое прикосновение рождало наслаждение: шелка к коже, пальцев к кувшину, веера к воздуху, и это любовное притяжение материи, мощное и невидимое, как жар от печи, изливалось наружу, пронзив девочек с силой и новизной и требуя от них чего-то, а чего именно – неизвестно.

– Сейчас! Сейчас! Я знаю! У меня есть! – догадалась Алена и понеслась, скользя на плоскостонных кожаных подошвах, в коридор, к сундуку, заваленному густо воняющей мокрой шерстью и мехом.

Она сбросила всю эту гору на пол и маленькими пальцами с глубоко обрезанными ногтями стала отковыривать глухую плоскую защелку сундука. Та медленно, с большим протестом, подалась. Вторая уже не сопротивлялась.

Стоя по колено в куче скомканной одежды, Алена с трудом подняла крышку, и на всех повеяло сладким нафталиновым духом. Несколько насмерть убитых иностранных газет лежали сверху. Алена сдернула их и нырнула в сундук, сверкнув ярко-белыми трусиками.

Она вынимала распластанные вещи одну за другой: черное бархатное платье с вышитым как будто рыбьей чешуей лифом, еще одно вечернее платье, с гербарным букетом у сердцевидного выреза, и целую кучу капитулировавшего некогда шелка: бледно-табачное кимоно на алой, в багровых хризантемах подкладке, еще кимоно и целый выводок шелковых пижам невозможных в этих широтах оттенков.

Девочки с благоговейной осторожностью, как сонных детей, передавали с рук на руки эту драгоценную шелуху, вышедшие из моды туалеты дипломатической жены, чувствовавшей себя комфортно исключительно в темно-синем бостоновом костюме, с его добротной двубортностью и почтительной преданностью телу и делу.

Сам дипработник, жарко влюбленный в жену и исполненный нескончаемой благодарности за то неопишуемое счастье, которое он ежевечерне находил в одном и том же никогда не приедавшемся ему месте, в те американские годы щедро заваливал ее недорогими американскими туалетами. Жена не нуждалась в конфекционной стимуляции, но благосклонно ее принимала, в результате чего большая часть его военно-дипломатических заработков была претворена в шелк, бархат и вискозу. Нейлон тогда еще только собирали по молекулам.

Эту материализованную благодарность и восхищение давних лет раскладывали теперь десятилетние девочки на счастливом супружеском ложе, меж прекрасных, немецкой печати, репродукций поздней иранской живописи. Ни видом, ни цветом, ни запахом не сопрягалось одно с другим, но это и не имело никакого значения, потому что вся прелесть этой игры в том и состоит, что она творится из любого подручного материала, лишь бы только был включен ток высокого притяжения между розовым и голубым, мягким и твердым, влажным и сухим...

Пирожкова Ира, искоса поглядывая на открытку, уже изгибала свой подвижный хребет и не знающие ограничения суставы, чтобы принять ту идеальную позу, которую изобразил никогда не изучавший анатомии художник и принять которую ее живое человеческое, хотя и хорошо тренированное, тело отказывалось.

– Я надену вот то, красное, – решительно сказала Вика и стала натягивать поверх

Ветряная оспа. Людмила Евгеньевна Улицкая [litskaya.ludmila.ru](http://litskaya.ludmila.ru)  
клетчатого байкового платья пунцовую тунику в хищных золотых цветах, – и буду вот той! – и она ткнула пальцем в облюбованную картинку.

– Да ты платье-то сними, – посоветовала сестра, и Вика стянула с себя серо-коричневую клетку.

Исподнее девочек тех лет было придумано врагом народа человеческого в целях полного его вымирания. На короткие рубашечки надевался сиротский лифчик с большими, в данном случае желтыми, пуговицами. К лифчику крепились две ерзающие резинки, которые пристегивались к коротким чулкам, впивающимся в плотные Викины ноги уже под коленками. На все это надевали просторные штаны, именуемые не по чину "трико", и вся эта сбруя имела обыкновение впиваться, натирать красные отметины на нежных местах и лопаться при резком движении. Белье взрослых женщин в ту пору мало чем отличалось и должно было, вероятно, гарантировать целомудрие нации.

– Быстро все переодеваемся! – приказала Алена и, заломив руки за спину, расстегнула трудные мелкие пуговицы, увязающие в еще более мелких петлях.

Пирожкова проворно выскочила из скучной одежды и, сверкнув профессионально мускулистой спиной, сунула ноги в широкие рукава черно-полосатой пижамы и с цирковой лихостью плотно обмотала лишнюю ткань вокруг мальчишеских бедер. Представленная двумя бледными прыщиками будущая грудь требовала достойного прикрытия, и глаза ее под длинной челкой заматались в поисках подходящего предмета.

Чельшева, расстегивая коричневое форменное платье, шевелила лисьим носиком с острым подвижным кончиком, прикидывая, что бы ей выбрать, и ее просыпающееся чутье безошибочно остановилось на бледно-табачном.

Колыванова, опустив тяжелые руки, стояла столбом посреди комнаты, осмысливая заманчивое и пугающее предложение.

Лиля Жижморская меланхолично стягивала плотный резинчатый чулок и все поглядывала на открытку со змеупорным старцем. Слабый режиссерский позыв шевельнулся в ней:

– А Плишкина пусть будет волшебником!

Алена возмутилась:

– Какая Плишкина? При чем тут Плишкина? Волшебником будет Колыванова, она самая длинная!

Это прозвучало убедительно, но Колыванова, держась большой красной юбки, полыхала смущением и никак не могла решиться.

Кукол отодвинули. Та прежняя игра, едва тронувшись в рост, увяла. Разложенные по краю кровати открытки приглашали к новой. Акт переодевания был уже состоявшимся прологом, но условия были неизвестны, и наступила заминка.

Жижа, все еще в одном чулке, некрасиво выглядывающем из-под сладко-розового шелка, обернулась к книжному шкафу и прицелилась обещающим близорукость взглядом в корешки.

С Колывановой содрали юбку и напялили сине-зеленый халат с большим горящим драконом на спине. Два других дракончика, поменьше, были вышиты спереди, и втроем они вполне заменяли отсутствующую змею. На голову Колывановой надели меховую ушанку Асениного отца, обмотав ее оранжевой пижамой и елочной канителью. Малиновые пижамные штаны, преобразованные в шальвары, выглядывали из-под халата. Неподвижно и величественно стояла Колыванова, пока Алена рисовала ей усы и бороду, макая тонкую кисточку в квадратные фарфоровые отделения с жирной мягкой краской, изъятая из материнского туалетного стола. Усы получились, а борода не удавалась. Пришлось прилепить к подбородку кусок новогодней ваты.

Прозрачная коробка с дешевыми украшениями – девочки называли их блестяшками – была вывернута на стол, и все пошло в ход. Алена, сверкая большим красным стеклом, сползающим со лба на короткий веснушчатый нос, щедро раздавала в

Ветряная оспа. Людмила Евгеньевна Улицкая [litskaya@ludmila.ru](http://litskaya@ludmila.ru)  
протянутые руки колье и клипсы.

Все завертелось пестро и стремительно, и само время, дрогнув, отступило. Последующие три часа расстелились вечнозеленым знойным островом в океане равномерных минут и часов обыденности.

Прижимая к животу толстую большеформатную книгу в картонно-жидком переплете, Лиля выскользнула из комнаты и приткнулась в кухне, на табурете, уютно уложив под зад голую ногу.

Книга раскрылась на случайном месте, и Лиля прочла: "Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный..." Ей понравилось.

Вслед ей из комнаты выплеснулось немного скрипучей патефонной музыки, но Лиля уже ничего не слышала.

Растопырившую острые колени Колыванову усадили на кровати. Она сидела болван болваном. Вата лезла в рот, головное сооружение валилось то на одну сторону, то на другую, и от него было жарко. Пирожкова стояла над ней с голым животом и делала какие-то маленькие движения, которые еще не были танцем, но собирались им стать.

Сестры Оганесян распустили свои конского волоса косы, окончательно зачернили нимало в том не нуждающиеся могучие армянские брови и накрасили густо кровавым рты, отчего сразу возмужал детский пушок над верхней губой.

Вика сверилась с открыткой, заключительным движением провела бордовые жирные стрелы от наружных углов глаз к вискам и твердо сказала;

- Ты, Ир, танцуй, ты, Колыванова, сиди, а мы будем жених и невеста.

- Ты дурочка, что ли? - добродушно удивилась Плишкина. - Кто невеста, тот в белом платье.

Пирожкова уже растанцевалась: выламывала крылышки, задирала свои куриные ноги выше головы и не обращала никакого внимания на интересную дискуссию.

- Тебе нравится, ты и надевай белое, а мы так будем. Ты что, не понимаешь, здесь же все турецкое! - объяснила снисходительно Чельшева.

При слове "турецкое" Гайка с Викторией переглянулись: про турецкое они кое-что слышали, и то было дело не сказочное, не шуточное, а страшное и тайно-домашнее, о чем с чужими не говорят.

Плишкиной все-таки была выдана белая простыня - в сундуке не нашлось ничего белого, кроме двух теннисных юбок такого маленького размера, какой Плишкиной никогда не суждено было носить.

Невест, следовательно, образовалось три, да и Алена уже стягивала за подол расшитое платье, чтобы надеть что-нибудь невестинское.

- Алэн, ты что? - забеспокоилась Чельшева, - Ты посчитай, сколько невест получается? Четыре, да? А женихов? Я и Ирка, два!

- Я не буду женихом, я танцовщица! - крутя подбородком и выворачивая кисти, бросила Пирожкова.

Дед ее, воспитатель и тренер, не только веревчато-крепкие мышцы ей нарастил, но и в характер ей впледел такие нити, что любое дело она делала насмерть, дотла, до полного уничтожения. Случалось, он из тренировочного зала выносил ее на руках. Вот и теперь она ввинтилась в этот танец и все раскручивала свое тело, чтобы принять ту позу, которую держала девица на открытке и к которой она все приближалась, но не окончательно. Особенно не получались именно кисти рук.

- Что же я, одна на всех жениться буду? - возмутилась Чельшева.

- Пусть, пусть, даже хорошо, - обрадовалась Алена, отпуская тяжелый подол. -

Ветряная оспа. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru  
Колыванова будет отец-шах, я шахиня, а они дочери, три сестры и невесты, и мы их  
разом за одного жениха и выдадим.

Вид у Алены был такой довольный, как будто она первой контрольную по математике  
написала.

– Нет, вы как хотите, а я так не хочу, я хочу себе отдельного мужа, разрушила  
Вика стройный Аленин замысел.

– Да ведь все равно, Вик, играем же, – с глупой и милой улыбкой миротворила, как  
обычно, Плишкина.

– Раз тебе все равно, вот и будь женихом, а не невестой! – живо отреагировала  
Вика.

– Хорошо, – легко согласилась Плишкина и стала стаскивать обмотанную вокруг  
цилиндрического туловища с толстенькими бесполоыми грудными складками простыню. –  
Я могу и женихом, пожалуйста.

– Отлично! – обрадовалась Вика. – Мой жених будет Чельшева, а Гайкин Плишкина!

Все уже почти сладилось, но Гайка, которая все искоса ловила в большом зеркале  
свое отражение в профиль, неожиданно взъерепенилась:

– Нетушки! Машка будет мой жених, а ты бери себе Плишкину!

– То есть как? – изумилась Вика.

– А так... – Гайка влажным взглядом посмотрела на сестру. – Я не хочу Плишкину.

– Это почему же? – угрожающе спросила Вика.

– Не хочу, – кротко, но окончательно заявила Гайка. – Сама бери себе Плишкину.

Плишкина замерла с простыней. Алена сосредоточенно занималась спадающей на нос  
диадемой. Страшное предчувствие коснулось Вики. Горло ее сжалось так сильно, что  
пришлось несколько раз глотнуть, чтобы прошло это ощущение замыкания и тесноты.  
Тень будущего упала в сегодняшнее существование, и тень эта была ужасна: у Гайки  
оказались какие-то дополнительные права, по которым она без усилий будет  
получать от жизни то, что Вика должна будет вырывать с боем...

– Нет, – твердо сказала Вика. – Плишкина мне не нужна.

– Значит, как я сказала, – обрадовалась Алена. – Мы трех дочерей выдаем замуж за  
одного жениха. Зато он королевский сын и зовут его... Мухтар!

– Только не Мухтар! – засмеялась Чельшева. – У нас на даче овчарка Мухтар!

– Тигран, – мечтательным хором произнесли сестры. Был у них троюродный брат в  
Тбилиси, бровастый, сероглазый, с сиреневым румянцем, просвечивающим сквозь  
тринадцатилетний пух.

– Давай, давай, пусть Тигран, – согласилась Чельшева.

– А мне чего делать? – робко спросила Колыванова, которой давно уже хотелось в  
уборную.

– А ты сиди. Я сейчас рядом с тобой сяду, – сказала Алена, и Колыванова,  
поерзав, снова замерла врозь коленями.

...Потом все опять сели за стол, налили остатки грушевой воды в высокие стаканы  
и, не найдя среди высыпанных на стол драгоценностей подходящего, стали катать из  
фольги и цветных ниток обручальные кольца. Стройный жених с кухонным ножом за  
поясом держал в горсти целых три, чтобы оделить каждую из сестер, а невесты  
стояли у стола в затылок друг

– Горько! – закричала истошно Алена.

Ветряная оспа. Людмила Евгеньевна Улицкая [litskaya.ludmila.ru](http://litskaya.ludmila.ru)  
Все подхватили. Тигран обменялся кольцами с Викой, поцеловал ее и лихо выпил лимонаду. Далее последовали Гайка и Плишкина. Три толстых кольца из фольги украсили мужественную руку жениха. Лимонад допили до последней капли. Свадьба в общем прошла как-то неубедительно. Явно чего-то не хватало. Впрочем, и во взрослой жизни тех лет тоже отмечалась какая-то нехватка, заполнявшаяся обычно пьяным свадебным безобразием, вырвавшимся, как глухая крапива на пустоши.

Гайка же, не заметив незаполненного пространства, уже пеленала на кровати куклу Кити, по величине приближавшуюся к натуральному младенцу.

- А теперь у меня будет как будто дочка! - объявила Гайка.

- Как же, дочка! Быстрая какая! - заметила скептически Колыванова-шах. - А это самое? - И она просунула указательный палец правой руки в колечко, сложенное большим и указательным левой.

Все замолчали.

- Что? - переспросила Гайка.

- Это самое, от чего дети бывают, - уточнила Колыванова, работая указательным пальцем правой руки в означенном направлении.

Неукротимая Пирожкова, как заведенная, все продолжала танцевать руками, но уже перешла в партер. Она лежала на полу, прижав ступни к затылку, и крутила кистями в надежде их все-таки вывернуть.

- Тань, - просительно, умоляюще сказала Гайка, всей душой надеясь, что ей удастся переубедить Колыванову. - Ну, женятся мужчина и женщина, и от этого дети бывают...

- Ты что, не знаешь? - Колыванова покрутила пальцем у виска. Маленькая совсем, да?

Плишкина засмеялась, Алена переглянулась с Чельшевой.

- Единожды один - приехал господин, - эпически начала Колыванова, дважды два - пришла его жена, трижды три - в комнату вошли, четырежды четыре - свет погасили...

- Да знаю я это, знаю, - перебила ее Гайка.

- Да ничего ты не знаешь, - сурово ответила Колыванова. Не так уж много чего она знала, но это уж она знала точно... И потому продолжала: Пятью пять - легли на кровать, шестью шесть - он ее за шерсть...

- Не надо, - попросила Гайка, но Колыванова жестоко продолжала:

- Семью семь - он ее совсем, восьмью восемь - доктора просим, девятью девять - доктор едет, десятью десять - ребенок лезет! Поняла, да?

- Это когда... это называется... - забормотала пораженная догадкой Гайка.

Алена была светским человеком и, почувствовав неловкость, сразу нашлась:

- Ты спроси у Лильки, как это называется. Она все знает.

Гайка, прижимая куклу к груди, пошла на кухню. Лиля сидела на табуретке, уже поменяв ногу, так что болталась теперь голая, и зрочки ее быстро-быстро бегали по строчкам.

- Лиль, - тронула ее за плечо Гайка, - скажи, только честно, как называется, от чего дети рождаются?

Лиля подняла отвлеченный взгляд, немного подумала и сказала очень серьезно, немного охрипшим голосом:

- Косинус, - и снова уперлась в книгу. Бабушка ей все честно, по науке

Ветряная оспа. Людмила Евгеньевна Улицкая [litskaya@ludmila.ru](http://litskaya@ludmila.ru)  
рассказала еще в прошлом году.

У Гайки немного полегчало на душе. Косинус – это все-таки косинус, а не то ужасно-ругательное заборное слово. Однако по дороге в комнату ее неприятно поразила мысль, что, пожалуй, и ее собственные родители, желая произвести их на свет, тоже делали этот косинус... Впрочем, может, есть какой-то более приличный способ, о котором и Лилька не знает...

Она вошла, когда Чельшева, Плишкина и Вика барахтались втроем на кровати, изображая великий акт, а Колыванова, переминаясь с ноги на ногу и снисходительно улыбаясь, махала рукой и повторяла:

– Да не так, не так, и не похоже совсем! И ноги подымать надо!

...Училась Колыванова плохо, в школьной столовой сидела за отдельным столом, где кормили "бесплатников" дармовыми завтраками, форму ей покупал родительский комитет. И всегда у нее чего-то не хватало: то тапочек, то мешка для галош, то физкультурной формы. Последний, совсем последний человек была она в классе. И вдруг оказалось, что она знает о вещах взрослых и тайных, и знает как-то запросто, и таким бесстрашным ежедневным голосом об этом говорит. Из сонной верзилы-второгодницы она на глазах превращалась в очень значительную персону. Все смотрели на нее с выжидательным интересом.

Но Колывановой так хотелось в уборную, что она даже не могла оценить своего неожиданного взлета,

– А как, Тань? – спросила Вика, стоящая на четвереньках на кровати.

– Да здесь вообще не годится, – критически постучала Колыванова рукой по кровати. – Слишком широко. Надо, чтоб место было узкое и тесное. И темно.

– Так под столом же! – обрадовалась Плишкина. Колыванова с сомнением подняла край скатерти, заглянула под стол.

– Две подушки надо, – наморщила она лоб. – Ну, и постлать там надо. И сверху чем прикрыть. Организовали брачное ложе.

– Чур, я первая! – нетерпеливо подпрыгивая, закричала Плишкина

Жених уже лежал в темном низком доме со стенами из шевелящихся сквозь скатерть полос света, движущихся ног и неподвижных ножек стола и черных стульев, и эта подстольная тьма обязывала его к чему-то страшному и таинственному.

А Плишкина, сдвинув могучим плечом Алену вместе со стулом, шумно лезла под стол. Затолкавшись туда, она тихо хихикнула:

– Эй, жених, где ты?

Своим глупым хихиканьем она сбила все, и жениху пришлось перестроиться:

– Ползи, ползи сюда.

Невеста приползла и полезла обниматься. Она любила всякие объятия, касания и тайные телесные движения. Был у нее некий малый, но приятный опыт. Она обняла жениха, сразу стало тесно и душно.

– Давай по-настоящему поцелуемся, как в кино, – предложила она, – как дяденьки с тетеньками, – и подставила раскрытый рот прямо к носу жениха.

Он пытался вывернуться, но изгородь ног и ножек не выпускала, и ему пришлось приложиться сухообветренными зимними губами к горячему и мокрому плишкинскому рту. Наверху все было очень тихо.

– Я сейчас покажу тебе, как сделать очень приятно. Так горячо, горячо, – пообещала Плишкина.

Пригнув голову, она села на низкую перекладину, задрала простыню и, положив одну толстую ногу на другую, указательным пальцем влезла в самую середину

Ветряная оспа. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru  
треугольничка.

- Дай руку, я тебе покажу! - зашептала на ухо Плишкина.

- Дура ты, - фыркнула Чельшева. Она про этот номер и сама знала. Только не знала, что и другим он известен.

Плишкина немного поколыхалась, попытала и сказала обиженно:

- Честное слово, я не вру: так хорошо там делается...

Но жених шарахнулся и выскользнул из-под стола. Плишкина, розовая и влажная, как испугавшийся поросенок, вылезла на поверхность.

- Гайка, полезай теперь ты! - пригласил жених, и Гайка, цепляясь широкими рукавами за спинки сразу двух стульев, нехотя полезла под стол. Жених протискивался с другой стороны.

- Это я, Тигран, - услышала Гайка хриплый шепот. И закрыла глаза. В прошлом году, в бабушкином саду в пригороде Тбилиси, они играли с Викой, а Тигран, пришедший в гости вместе с их общей теткой, смотрел с высокой веранды в их сторону. Вика сказала сестре тихонько, не поворачивая головы: смотри, на нас смотрит.

Гайка знала, что смотрит он именно на нее, и отвернулась. Вика ни с того ни с сего захохотала и, одернув юбочку, сделала "ласточку", высоко подняв крепкую ножку и растопырив руки.

Гайка лежала, сильно сжав веки. Он склонился над ней, опершись одной рукой о подушку возле ее головы и больно прижав прядь волос. Второй рукой он раздвигал колени.

Дыхание перехватило. Такой глубокий и полный ужас она испытывала только во сне, на выходе из младенчества, и, просыпаясь среди ночи с долгим припадочным криком, затихала на руках отца, который часами носил ее на руках.

Тигран лег на нее сверху.

- Ты не бойся, тебе будет приятно и горячо, - прошептал он.

- Ты что, по правде? - ужаснулась Гайка. - Не надо, Тигран.

- Дура ты! Понарошке, конечно! - засмеялась Чельшева, и тут только Гайка поняла, что никакого Тиграна и не было. И она тоже засмеялась.

Бахрома приподнялась, и просунулось криво повернутое лицо Вики.

- Ну, давай скорее, моя же очередь! - торопила она.

Пока жених осваивал последнюю невесту, Алена деловито привязывала к Гайкиному животу, под лимонную пижаму, большую куклу.

- Так? - уточнила она у Кольвановой. Кольванова кивнула.

"Ну все, сейчас обоссусь", - подумала в отчаянье Кольванова и, плотно сдвигая ноги, пошла к двери.

- Ты куда? - удивилась Алена.

- Домой, - лаконично ответила Кольванова, чувствуя, что у нее внутри все разрывается, и одновременно отметив про себя, что хоть ковра-то она теперь не испортит.

- Еще не доиграли, - растерянно сказала Алена.

- Мамка заругает, - сумрачно ответила Кольванова, почти не разжимая губ. Ей казалось, что, разожми она губы, так и полъется. Спросить же, где уборная, ей и в голову не приходило.

- Самое интересное начинается, а ты... - разочарованно протянула Алена, огорченная потерей столь ценного эксперта.

Но Колыванова уже натягивала пальто, удачно оказавшееся поверх всей кучи. Шапка была в рукаве, а рукавицы и шарф она искать не стала. Оттянув легкий блестящий рычаг замка, она выскочила на площадку. Внизу урчал лифт. Наверху, полупролетом выше, была укромная тьма перед низкой чердачной дверью. Она поднялась туда и, чувствуя, что уже опаздывает, стянула с себя штаны и надетые поверх жгуче-малиновые шаровары, присела, и в тот же миг из нее брызнул лимонад, химически низложенный, но не изменивший своего соломенно-желтого цвета.

"Сейчас поймают", - мелькнуло у нее, и она хотела остановить поток, но это оказалось невозможным. Лифт щелкнул, хлопнул, снова загудел. Ручеек из-под ее подобранного пальто стекал по лестнице вниз, намереваясь предательски излиться на нижнюю площадку, но замедлился и стал растекаться грушевидной лужицей. Она проворно натянула штаны, обтерла ладонями мокрое от незамеченных слез лицо и, грохоча ботинками, понеслась вниз по лестнице легко и свободно, со странным ощущением стремительного движения вверх, а вовсе не вниз. Переживая остатки волнения, едва не состоявшегося позора и чудесной телесной радости, она вприпрыжку бежала домой, где мать ее вовсе не ждала, поскольку вышла сегодня в ночную смену.

И только дома, под ошалелыми взглядами старшей сестры и двух младших братьев, она опомнилась, что убежала в чужом, а сестрина красная юбка и ее новая ковбойка с приколотым на груди ангелком остались у Алены.

А дома, в их узкой комнате с половиной окна, пахло керосином, и старым ночным горшком, и свежими пирогами, которые перед работой напекла мать, и было так хорошо и так плохо, что Колыванова бросилась на материнскую кровать, пережившую на Таниной памяти четырех отчимов, и, сверкая золотым драконом на сине-зеленой спине, громко заплакала в подушку...

...Беременные жены лежали поперек кровати и собирались рожать.

- Вика и Плишка пусть мальчишек родят, а Гайка девочку, - высказал пожелание муж, но Алена неожиданно грубо отшила его:

- А ты иди коляску покупай, вот что!

- Ты что, я же принц! Какая коляска! - возмутился незаметным для себя самого способом свергнутый принц Тигран.

- У нас уже давно другая игра, а ты все принц! - дернула плечами Пирожкова, которой в конце концов надоело танцевать и она преобразилась в доктора.

Алена на большой тарелке раскладывала фруктовые ножички из серванта и какие-то неопределенного назначения щипчики.

- Это будут инструменты, - объяснила она, ставя на кровать тарелку. Все стерильное.

Не так давно ей удаляли аппендикс, память была свежей.

- Да зачем инструменты? - удивилась Плишкина.

- Ты не знаешь? Лилька говорит, что, когда через пиписку не проходит, живот разрезают, - пояснила Пирожкова. - Операцию делают. Очень даже часто. А чего ты так лежишь, ты стони. Это же ужас как больно. Мне мама говорила.

Плишкина громко и очень удачно застонала. Басовито подхватила Вика. Гайке эта игра давно надоела. Придерживая на животе куклу, она вспоминала, как Тигран стоял на веранде и смотрел на нее. "Вырасту и выйду за него замуж", - решила она.

- Ну, давай скорее, надоело! - заныла Плишкина.

- Все, все готово! - докторским голосом сказала Пирожкова. - Штаны снимайте.

Роженицы стянули шелка пижам. Они уже забыли, с чего это они развели все это переодевание, и даже не замечали, что лежат заголенными задками на Лилькиных открытках.

- Ой! Ой! - очень натурально сказала Плишкина. Она была большой притворщицей и натренировалась на своей любвеобильной матери.

Пирожкова тупым фруктовым ножом раздвинула пухлую складку. Бледно-розово и влажно мелькнула моллюсковая изнанка. Плишкина захихикала щекотно!

Алена стала потихоньку толкать вниз по животу куклу.

- Да нет, не так! Не похоже! - вмешался отосланный было за коляской разжалованный принц. - Лучше вот эту возьми, но откуда надо, по-настоящему! - Ему, как отцу, хотелось правдоподобия, и он сунул в руку Алене маленького целлулоидного гольша.

- Лилька говорит, они рождаются головкой вперед, - предупредила Пирожкова.

- А я как будто не могу родить и вы мне делаете операцию, - попросила тщеславная Вика.

- Да подожди ты, сначала я! - рассердилась Плишкина, которую, как ей казалось, все время оттирали.

Пирожкова, под тонкое хихиканье Плишкиной, уже ввинтила гольша в нужное место, и маленькая его головка с парикмахерской прической торчала наружу, как розовый пузырь.

- А теперь схватывайся! Схватки должны быть! - посоветовала Алена, и Плишкина схватилась руками за свои бока.

- Ну, давай, что ли! - торопил врач. - Рожай!

Пирожкова потянула гольша за голову, но Плишкина как-то удержала его внутренним усилием. Тогда Пирожкова надавила на головку, так что она почти исчезла из виду, а потом дернула. Плишкина пискнула:

- Эй, ты чего, больно же!

Ребенок родился. Пирожкова положила его на тарелку рядом с инструментами, и Алена помогла ей совершить запланированную подмену сунула ей в руки большую куклу, которая, собственно, и должна была родиться, но временно была отставлена.

Плишкина пеленала куклу и капризно требовала:

- Пап! Ну ты давай, встречай! Ты должен меня встречать! Из роддома всегда встречают!

У Плишкиной тоже был кое-какой жизненный опыт.

Алена уже делала Вике кесарево сечение, проводя фруктовым ножом поперек живота.

Гайкина очередь так и не подошла, поскольку позвонила бабушка и спросила, не пора ли за ними прийти. Почти одновременно раздался звонок в дверь: за Чельшевой пришла домработница Мотя, и Маша, у которой как раз разболелась голова, без всякого сопротивления дала себя увести - к большой неожиданности для Моти, собиравшейся долго и терпеливо выманить противную девчонку из гостей.

Все вдруг почувствовали себя усталыми. Плишкина даже и проголодалась, доела последние бутерброды. Вилочки лежали на столе, никому не интересные.

Снова зазвонил телефон. Это была Бела Зиновьевна, Лилина бабушка. Лиля ее горячо уговаривала:

- Белочка! Ну еще полчасика, пожалуйста! Мне совсем немного осталось!

Ветряная оспа. Людмила Евгеньевна Улицкая [litskaya.ludmila.ru](http://litskaya.ludmila.ru)  
- чего тебе немного осталось? - удивилась Бела Зиновьевна.

- Дочитать. "Старуху Изергиль"... Там совсем немного... так интересно... - умоляла Лиля, такая же розовая и возбужденная, как и все остальные.

Все гости разошлись почти одновременно, и Алене это было очень обидно.

...Пришедшие в половине двенадцатого Аленины родители были ошеломлены: дом был разгромлен, буквально вывернут наизнанку. Только что мебель стояла на прежних местах. Они молча переглянулись.

Алена спала на их кровати в алькове, среди смятых открыток и серебряных фруктовых ножей, в старом вечернем платье матери. Отец поднял спящую девочку, и мать увидела, что лицо ее пылает. Она тронула ладонью лоб и покачала головой.

- Аспирин? - тихо спросил муж.

- Минуту погоди, я ей постелю. Потом сообразим. - Она была хладнокровной женщиной, не подверженной панике.

...И Плишкина заболела в ту же ночь. Она сильно металась, сбивая в ком одеяло. Мать простояла над ней до утра. Полупросыпаясь, девочка просила пить, и мать бережно подносила к ее губам синюю фарфоровую кружку с теплой кипяченой водой. Она выпивала и снова оказывалась в том же страшном сне: над ней угрожающе склонялся большой старик с острой черной бородой, дышал на нее горячим воздухом, и был он фининспектором, которого так сильно боялась ее мать, дорогая домашняя портниха, много лет работавшая без лицензии.

К утру Плишкина проснулась окончательно, улыбнулась матери всеми своими очаровательными ямочками и запятыми, выпила еще одну кружку воды. И лицо ее, и большое жидковатое тело было усеяно красными шершавыми звездочками. Она пописала над большим горшком. Внутри немного пощипало, но она не обратила на это внимания. Дефлорация была столь нежной, что самый факт ее никогда не был осознан, и ото всей этой истории остался у Плишкиной на всю жизнь мистический страх перед фининспектором, который склонялся над ней с неопределенной угрозой.

Девочки Оганесян заболели только через сутки, но высокой температуры у них не было, их ветрянка прошла в легкой форме. Высыпание было небольшим, и бабушка сразу же прижгла папулы луковым соком, а не зеленкой, как было тогда принято. Бабушка велела им лежать в постели и всячески ублажала и развлекала. Рассказывала о зоках, от которых происходила, и пела зокские уныло-прекрасные песни огромным и тонко вибрирующим на высотах голосом.

Мать девочек, как всегда, безучастно сидела в кресле.

Заболели также Маша Чельшева и Ира Пирожкова. У Колывановой был иммунитет с младенчества.

Лиля Жижморская тоже не заболела. Но и ей в эту ночь снился неприятнейший сон: как будто за ней приехали родители, и почему-то не в городскую квартиру, а на дачу. И она сидит в какой-то телеге и странным образом, спиной, видит за стеклом террасы очень белые лица бабушки и дедушки и замечает, что терраса похожа на вольеру зоопарка - есть какая-то дополнительная железная сетка за стеклом, как в обезьяннике. Телега начинает двигаться сама собой, но это почему-то не вызывает удивления. Сама Лиля сидит между родителями. Мать придерживает ее крупной рукой, а рука ее покрыта жесткими колючими волосами, как щека небритого мужчины. Отец в военной форме. Лица его не видно.

Дорога же начинает углубляться, так что обочины делаются все выше, и Лиля с ужасом понимает, что дорога ведет под землю и что все это не сон. Последнее, что сохранилось в памяти, была шелковая толпа восточных красавиц, встречающих ее на въезде в сырую темноту. Они протягивают к Лиле светящиеся полупрозрачные руки, приглашая в свои шелестящий круг, и Лиля с облегчением догадывается, что спасена...

Вместе с ветрянкой кончились и каникулы, но начались сильные морозы, и младших школьников освободили от занятий. Когда девочки встретились в классе, казалось, что прошло не три недели, а три года и то, что происходило у Алены, было с ними

Ветряная оспа. Людмила Евгеньевна Улицкая [ulitskaya.ludmila.ru](http://ulitskaya.ludmila.ru) в далеком детстве. Что-то сдвинулось и изменилось: они немного стеснялись друг друга, никогда не вспоминали о том вечере, будто дали обет молчания как соучастники страшного и тайного дела. К Кольвановой же с тех пор относились с уважением.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке  
<http://ulitskaya.ludmila.ru/> Приятного чтения!  
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.  
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин  
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.  
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография  
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>  
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!